

Из воспоминаний юности. 1913 год.

С раннего детства я окружена была музыкой, пением. Мать моя очень хорошо играла на рояле и замечательно аккомпанировала певцам. Я очень любила петь. Когда у нас в гимназии уроки пения стали постоянными, а не случайными, я с большим интересом ожидала каждый урок. Вскоре я заметила, что учитель пения Тимей как бы прислушивается, когда я пою. Он стал чаще заставлять меня запевать или повторять отдельные фразы.

Однажды, это было постом, меня вызвала начальница гимназии [Т.Н. Якубович – В.К.] к себе в комнату (квартира была при гимназии) и объявила, что я и еще две ученицы выделены в хор мужской гимназии петь всю Страстную неделю. Пели мы и в общем хоре и отдельно солировали; нам также предложили говеть.

Начались спевки, которые остались в памяти на всю жизнь. А говенья! Церковь была в полумраке, горело всего несколько огарышков свеч, когда происходила исповедь. И эта новая незнакомая обстановка вызывала какой-то душевный трепет и страх. Чудились какие-то шорохи и непонятные звуки. Приглядевшись и немного освоившись, я заметила, что в каждом темном, укромном уголке прятались гимназисты, следившие за нами всюду. Сдав все свои грехи, я почувствовала себя увереннее.

Как-то после спевки нас, трех девочек, пошел

проводить наш учитель-дирижер Тимей вместе с хористами – всего около 15 человек. Я жила дальше всех. Идя всей группой, постепенно провожали каждую из моих подруг, и, наконец, осталась я одна со своими рыцарями. Меня довели до дома и даже ждали, когда мне откроют дверь. Во время шествия у меня была похищена лента из одной косы.

Особенно торжественно было во время заутрени. Хор пополнился голосистыми казанскими студентами. Возраст певцов был разный: от первокурсников – звонких колокольчиков до басистых дяденек с усами и бородами – прежних учеников гимназии. Священник Введенский специально для девочек прислал леденцов, а после заутрени подарил нам по коробке шоколадных конфет.

На рассвете мы возвращались домой. Разве такое забудешь!

Как-то в гимназии распространился слух о приезде к начальнице гимназии ее отца [Т.Н. Якубович была дочерью директора Симбирского кадетского корпуса, генерал-майора Николая Андреевича Якубовича, внесшего большой вклад в создание гимназии – В.К.]. Меня вновь позвали к начальнице. Оказалось, что отец ее очень любит пение, и я должна спеть ему что-нибудь. На другой день я пришла в зал, куда вышел небольшого роста старичок в военной форме, поздоровался и опустился в кресло недалеко от рояля и приготовился слушать, глаза он закрыл рукой.

Д.И. Архангельский среди учениц женской гимназии Т.Н. Якубович

Я спела колыбельную Гречанинова и еще что-то, сейчас не помню. Он поблагодарил и сказал, что мой голос напоминает ему чей-то очень дорогой ему голос.

Вскоре после этого случая решено было поставить три отрывка из оперы Глинки «Иван Сусанин». Начались репетиции под руководством Тимея. Бывало я запою, а Тимей застынет и забудет о своей дирижерской палочке.

Наконец все готово. Меня не волнуют, но я чувствую, что гостей будет очень много. Кто-то из учителей советует мне не смотреть на публику, чтобы не растеряться, а смотреть выше голов сидящих.

Действие начиналось с прихода поляков и взвода отца (И. Сусанина). Я – Антонида – дочь Ивана Сусанина. Я должна удерживать отца. Поляки с силой отталкивают меня, и я, плача, опускаюсь на скамейку около своих пальцев, облокотившись на них. Все это происходит на краю сцены. Сцена высокая и вход на нее по трем ступенькам со стороны кулис. Я одета в длинный, темно-синий сарафан с серебряными пуговицами и позументом.

Выпускает меня на сцену Тарасова О.В. [О.В. Тарасова – преподавательница русского языка, работавшая в гимназии с момента открытия учебного заведения – В.К.], которую я почему-то очень боялась. Она шепчет мне ласковые слова и даже крестит; и в то же время кто-то неудачно закрывает за мной дверь так, что кончик туфельки задевает за порог и я, взметнув руками, лечу на сцену. Меня ловят поляки, и получается очень-очень естественно. После мне говорили, что временем «мороз пробежал по телу».

Когда я поднялась от пальцев, то, вспомнив предупреждение не смотреть на публику, уперлась глазами в нашего швейцара с большущими усами, который влез на скамейку около самой стены в конце зала, да так и спела свою арию «Не о том скорблю, подруженьки» для него одного. Голос у меня в юности был сильный. Спасибо этому усатому швейцару,

он мне очень помог. По окончании постановки, я в белом атласном сарафане, в красивом кокошнике танцевала с балетмейстером Ширяевым вальс.

Отец мой работал в Управе. На другой день его вызвали к начальству и стали упрекать, что он до сих пор прятал талант своей дочери. Был послан запрос в Петербургскую консерваторию, и через несколько месяцев на мое имя была получена программа экзаменов и сообщение о плате за учение. Она была для нас недоступна, и Управа хотела мое обучение взять на свой счет. К сожалению, все окончилось ничем: <началась> война 1914 г.

После смерти отца я работала в горздравотделе у д-ра Шостак статистом, а потом попала в I поликлинику, где участвовала в самодеятельности. Часто устраивали концерты с участием теперь уже покойных докторов Емельянова, Лонгера, Лыбина и его жены пианистки Дюрсен. Вы их, может быть, знали.

А теперь часто вижу сны, что я должна где-то петь, а что – не знаю и очень волнуюсь.

*Уважающая Вас
Зоя Петровна Садовникова, 1970 г.*

Архив Д.И. Архангельского – это настоящая золотая кладовая музейного собрания. Его материалы раскрывают нам многие, порой забытые, страницы культурной и общественной жизни Симбирска – Ульяновска, в самой гуще которой находился Дмитрий Иванович.

И трудно не согласиться с исследователем обнинского периода жизни художника В.А. Ивановым, который писал: «Сохранение величайшей духовной основы – личного архива Дмитрия Ивановича Архангельского – послужило фундаментом явления, участвуя в котором, соприкасаясь с которым, сотни людей получают неоценимое – могучий духовный заряд, воздействие духовного потенциала большой силы на все предстоящие каждому участнику явления годы».

Вага. Пристань в Санта-Крус.

